

Кризис как кризис, или Наука ценить привычное?

Все-таки удивительно, насколько современный человек привязан к благам цивилизации. Или, скорее, к представлениям об их надуманной важности и необходимости, железобетонно вмурованным косной цивилизацией в его квадратный, современный мозг.

Ко всем тем пустякам, которые он обычно не замечает, принимая за нечто само собой разумеющееся, данное ему по какому-то первородному праву, считая неотъемлемой частью себя. Либо и вовсе поносит последними словами, отказывая им даже в маломальской значимости.

На работу и с работы он ездит на своем авто с расстроенным лицом уставшего от жизни человека, просиживая часами в перманентных и вездесущих, как стресс, пробках, с климат-контролем под гомогенные биты и рейвы салонного mp3-проигрывателя. Каждые десять минут звонит по мобильному своим коллегам и деловым партнерам, или они звонят ему.

Разгребась немного с завалом дел на работе, успевшем возникнуть, пока он стоял в пробке или спал дома, с еще более недовольным выражением лица он спешит в скучное кафе, где обычно обедает, или заказывает себе обед по телефону и, почти морщась от набившего оскому гастрономического удовольствия, поглощает все эти суши, стейки и гамбургеры, запивая из кока-колой, минеральной водой или в лучшем случае чаем «Липтон» в пакетике.

После работы он развеивается с друзьями в баре под пиво и «сто грамм на посошок». Или, может, как примерный семьянин покупает половой краски или шпатлевки, чтобы закончить дома давно начатый ремонт. Покупает себе немецкий перфоратор «Бош», чтобы сверлить по вечерам и выходным в стене по-немецки аккуратные дырки. Или везет в починку свой старый телевизор, покупает в кредит жене стиралку-автомат или какой-нибудь блендер. Или едет в автосервис, чтобы там, наконец, посмотрели, что же «стучит» в его «Опеле».

На выходные он едет на дачу помогать жене и теще сажать картошку. Или косить триммером прущую по весне траву. Или на свой загородный участок, чтобы эту дачу

построить. Чтобы потом на ней сажать с тещей картошку или косить триммером траву. Или едет с друзьями на рыбалку, в боулинг, в баню.

А в августе, вымолив почти на коленях у начальства отпуск, летит с женой и детьми (а если повезет, с сотрудницей Юлечкой из соседнего отдела) в Анталию, Шарм-эль-Шейх или, на худой конец, в Сочи. Занимается там от души и тела дайвингом, серфингом, дринкингом, факингом с Юлечкой. Или, если повезет еще больше, с Наташей из Питера или Мариной из Саратова, с которой познакомился вчера. А через две недели, опустошенный физически и материально, с таким же уставшим (уже от отдыха) загоревшим лицом возвращается домой. Одним словом, живет обычной жизнью современного человека.

И все это с извечным старческим кряхтением и тихим матюшком, с прокисшей миной вечно плохо выспавшегося лица, словно весь этот комфорт дан ему не в радость, а в наказание, идет по жизни человек и думает, как бы ему еще больше от неё взять. Ибо есть у человека голубая мечта: зарабатывать больше. Идет он так и устало думает, как бы ещё прибавить и приумножить, чтобы жилось еще комфортнее и веселее, потому что о другом уже и не думается.

Но в один далеко не прекрасный для него день, поскольку современный человек живет не где-нибудь в бездушной и скучной Западной Европе, а на самой что ни на есть Среднерусской возвышенности, он просыпается под мерный гул недовольных человеческих голосов и понимает, что в стране случился очередной экономический кризис. Или цены поползли вверх. Или местная валюта поползла вниз.

Сначала человек особо не переживает. На работе разгребает дела, по вечерам привычно идет на пиво, на выходных собирается с тещей копать картошку. К очередному кризису относится с выработанным в прежней жизни стоицизмом и по-философски. Шутит и издевается.

Но постепенно весь ужас, вся катастрофа происходящего проникают в его уставший от современной жизни мозг, и человек понимает, что с ним произошло что-то страшное.

Проклятые цены на продукты питания неумолимо ползут вверх. Прилавки с продавцами

за ними, как в амбразурах, пустеют и по-недоброму затаиваются. На бензозаправках выстраиваются длинные очереди. На работе начинаются сокращения. И постепенно все ранее привычное и само собой разумеющееся, серое и невзрачное, как осеннее московское утро, приобретает неожиданные оттенки красочного тропического заката над бескрайним седым океаном под мерный шелест неоновых волн.

Тихий рокот мотора во время поездки на авто за такую цену на энергоносители уже не раздражает, а скорее наоборот, ласкает слух. И даже стояние в пробках почти роднит тебя с твоим средством уже не передвижения, а роскоши. МПЗ-проигрыватель наигрывает какие-то знакомые мелодии, которым ты даже пытаешься грустно подпевать. Ты медленно проводишь кончиками пальцев по блестящим кнопкам. Нажимаешь то на одну, то на другую. Запоминаешь их на ощупь.

В обеденный перерыв ты (в кои веки!) обращаешь внимание на цену гамбургера. И от этого познания к говядине между двумя половинками мягкой булки с брызгами кунжута ты испытываешь почти буддийскую признательность. И с ней же, смакуя каждый кусок, с непривычным аппетитом ты съедаешь свой гамбургер, свой салат, выпиваешь свой чай в пакетике.

Вечером, собрав всю волю в кулак и почти со слезами на глазах, ты отказываешь друзьям, ожидающим тебя за кружкой пива. Отказываешь стоически, красочно рисуя в воображении запотевшие бутылки с холодным пивом и пенящиеся бокалы, почти наяву ощущая терпкий вкус пенного напитка, так, что спазмом сводит нижнюю челюсть, а рот доверху наполняется слюной.

Газ в квартире, который ты никогда не экономил, вдруг становится стратегическим энергоносителем, и ты даже мысленно представляешь себе, с каким трудом его добывают из недр матушки-земли, сжижают, гонят по трубам.

Воду ты постепенно приучаешься закрывать, едва успев открыть. Поход с семьей по магазинам заставляет тебя мелочно и придирчиво изучать и сравнивать цены сначала у одного прилавка, потом у другого, и потом уже не жена, а ты её тянешь дальше. Туда, где мяса на костях хватает разве что на запах для макарон по-флотски, а яблоки выглядят так, словно и они поняли, что случился кризис, и от этого мгновенно постарели.

В купленной колбасе ты педантично выискиваешь кусочки мяса и всякий раз радуешься, найдя их там. Гречка, после того как она сначала в магазинах пропала, а потом появилась по цене, в два раза выше прежней, приобретает какой-то совсем другой, яркий вкус. А приготовленная в воскресенье домашняя курица, привезенная тещей, и вовсе мысленно превращается в жирную индейку в День благодарения после года голодной жизни.

Перед сном ты аккуратно выдавливаешь зубную пасту размером с горошину на зубную щетку и мысленно прикидываешь, на сколько дней её еще хватит. Впервые отчитываешь детей за то, что в туалете понапрасну горит свет, с таким суровым видом, словно горит не свет в туалете, а вся квартира.

Одним словом, все, что раньше не вызывало в тебе ни малейших эмоций, или если и вызывало, то лишь раздражение и недовольство, теперь приобретает совершенно новую, незнакомую для тебя значимость. И в этом новом понимании ты вдруг растерян и со страхом осознаешь, что все, что раньше было незаметно и разумелось само собой, теперь становится очевидно остро и незаменимо.

И тебе без него уже никуда...

Автор - **Игорь Ткачев**

[Источник](#)